

ИЗЪ ПОХОДНАГО ЖУРНАЛА.

(Продолженіе¹).

8-го іюля. Поздно вечеромъ командующій вызвалъ къ телефону командира Сводно-Стрѣлковаго корпуса и прочиталъ ему только что полученное письмо. Къ сожалѣнію, не могу передать подробно его содержанія безъ риска напутать. Знаю вѣрно только то, что командующій получилъ официальное письмо о судьбѣ знамени 19-го Стрѣлковаго полка. Полотнище было снято и спрятано на груди у кого то затѣмъ погибшаго въ бою, «крестъ»,—т. е. вѣроятно копье съ крестомъ былъ спрятанъ полковникомъ Красноуховымъ и переданъ имъ сестрѣ милосердія, затѣмъ оказался какъ то въ Портъ-Артурѣ и дошелъ наконецъ до военнаго министра. Государь приказалъ хранить этотъ крестъ въ Петербургѣ впредь до выдачи полку новаго знамени.

Командующій поздравилъ Ф. и велѣлъ поздравить полкъ.

Каждый офицеръ легко себѣ представить, какъ счастливы будутъ стрѣлчи и какъ легко имъ вздохнется. Вчужѣ и то какъ то радостно становится и невольно вырывается «слава Богу»!

9-го іюля. Последнее время что-то стало тяжеленько—все время каждаго дня, свободное отъ поѣздокъ или разныхъ помѣхъ, проходитъ за столомъ за работой, и каждая ночь коротается надъ дневникомъ. Ложусь около 2 часовъ ночи, будять сосѣди около семи утра—не досыпаю все больше и чувствую себя утомленнымъ. Сегодня уже не могъ себя заставить взяться за дѣло,—все, утро про-

См. «Военный Сборникъ» 1908 г., № 10.

гулялъ, а послѣ завтрака улегся на буркѣ въ саду подѣ деревьями — подремать съ книгой въ рукахъ.

Въ половинѣ пятаго мы выѣхали впередъ, вчетверомъ, на смотръ 1-й Стрѣлковой дивизіи, — подполковникъ Т. молодой К., Л. И. К. и я; по дорогѣ соединились съ генераломъ Л., за нами выѣхали на тройкахъ: Командующій съ Н. А. Б. и генераль П. съ Г. А. З., еще раньше отправились, чтобы видѣть, за сколько времени до смотра будетъ выведена дивизія П. Ч. З. и Н. В. С. Сегодня свита была больше чѣмъ обыкновенно.

Мы застали дивизію още только входившею въ строй по линейнымъ ровно за 15 минутъ до начала смотра. Командующій, подѣзжая въ тройкѣ, замѣтилъ, что полки еще не совсѣмъ устроились и велѣлъ ѣхать шагомъ. Выйдя изъ экипажа и выслушавъ докладъ адъютанта, баронъ просіялъ и медлил садиться на лошадь.

— Вотъ видите, господа, значитъ можно выводить за $\frac{1}{4}$ часа и увидите, что это отразится на видѣ людей.

Успѣхъ смотра, кажется, была обезпеченъ, но 1-я бригада и сама за себя постояла. Дивизія была выравнена плохо, и мой глазъ конечно замѣтилъ, что и по фронту и въ затылокъ они не успѣли подравняться. Но зачѣмъ, объѣзжая войска, смотрѣть черезъ головы, когда вся сила и прелесть, и отвѣтъ на главный вопросъ — только въ глазахъ у людей? А смотрѣли они такими молодцами, такими еще свѣжими, довѣрчивыми глазами, что строемъ можно было только любоваться. Отличные люди — энергичные, сильные чертами лица, были разбросаны по всѣмъ рядамъ такою щедрою рукой, что одно изъ двухъ становилось ясно: или 1 и 2 бригады различно укомплектованы изъ разныхъ областей Россіи и неравныхъ по силамъ обучавшихъ новобранцевъ частей, или же здѣшніе кадры бригадъ разнo справились со своею задачей. Командующій былъ щедръ на похвалы. Дальше все уже шло въ тонахъ восторга и восхищенія. — Хороши были и лошади въ обозахъ, хороши и тѣла въ артилеріи и наконецъ, наша гвардія, — пулеметы. Командующій только хвалилъ и приговаривалъ.

— Лихіе командиры и видъ отличный... Сами молодцами глядятъ и лошади въ порядкѣ... На пулеметы радостно смотрѣть — это утѣшеніе сердцу... Обозы тамъ огорчали, а здѣсь только радуютъ..

Объѣзжая артилерію, командующій поздравилъ съ прибытіемъ только что пришедшую послѣ сформированія 4 ю батарею. Дальше были рѣчи и здравицы между полками.

Командующій поздравлялъ полки, какъ могучую рать, смотрящую на него «стрѣлками» (и сегодня былъ ближе къ дѣйствительности), поздравлялъ молодыхъ, удостоившихся чести защищать свою родину, говорилъ о японцахъ и дани, вспоминалъ свою старую службу вмѣстѣ съ 1-й бригадой и возглашалъ ура начальству и товарищамъ артиллеристамъ.

Сегодня въ отвѣтъ и Ф. былъ нѣсколько щедрѣе на слово.

— Братцы! Въ лицѣ 1-й Стрѣлковой дивизіи отъ имени всего Стрѣлковаго корпуса возглашаю ура нашему славному и доблестному вождю, командующему 2-й Маньчжурской арміей и ручаюсь передъ нимъ, что вы постоите за честь стрѣлковъ и поможете въ конецъ сокрушить нашего врага!

Кончилось оваціей представлявшемуся здѣсь же командиру 19-го Стрѣлковаго полка, пріѣхавшему благодарить за поздравленіе и доложить телеграму отъ полка на Имя Государя черезъ главнокомандующаго.

Командующій выѣхалъ съ нимъ на середину дивизіи и сказалъ послѣднюю рѣчь:

... Думали, что знамя потеряно, но на сердцѣ у раненаго воина Святыня спасена и теперь уже въ рукахъ у Государя Императора...

Дивизія кричала ура счастливымъ товарищамъ... Кричалъ и 4-й полкъ, стоявшій безъ знамени.

Закончился смотръ церемоніальнымъ маршемъ. Вѣтра не было, шли вдоль грядокъ, и съ этими данными, да еще съ молодецкимъ духомъ, да съ радостью удачи и похвалъ, — дивизія шла великолѣпно. Сразу было видно, что это сильный строй, а не сборная толпа. Командующій пришелъ въ восторгъ уже отъ 1-го баталіона и началъ оваціи: баталіоны. черезъ одинъ, шли «на руку», лихо отвѣчали на похвалы и ревѣли ура на разные тосты.

— За вашъ славный, молодецкій полкъ!

— За молодца вашего славнаго командира корпуса!

— За героя вашего начальника дивизіи...

Настроеніе росло все больше, «ура» впереди не замолкало, баталіоны 3-го полка уже подхватывали раньше, чѣмъ доходили до командующаго, люди сбивались въ атаку, и 4-й полкъ уже самъ взялъ на-руку и бросился на «ура» въ догонку третьему.

Послѣ прохожденія стрѣлковъ командующій послалъ Д—му воздушный поцѣлуй.

— Жизнь. энергія, сила!—Покорно благодарю, не ожидалъ! Артилерія проходила тоже отлично, а пулеметы во главѣ съ капитаномъ на сказочномъ конькѣ были до того хороши, что мы сами чуть не кричали «ура».

Разборъ командующій началъ словами:

— Прежде всего надо дать просторъ своему сердцу: я безгранично доволенъ смотромъ и благодарю васъ всѣхъ за истинное наслажденіе...

И кончилъ:

— Я снимаю шапку за этотъ духъ и за того, кто ввелъ его въ этой дивизіи.

Но кто же его ввелъ? Вотъ вопросъ, отвѣтъ на который мнѣ кажется надо давать осторожнѣй, чѣмъ это дѣлалось до нынѣ.

Мы привыкли говорить только «хорошо или плохо» и благодарность или упрекъ относить только къ тому, кто стоитъ головой-отвѣтчикомъ. Но пора уже глубже заглядывать и вникать въ самую сущность внѣшнихъ проявленій. Я только тогда рѣшился бы сказать послѣдній приговоръ работѣ двухъ дивизій, когда зналъ бы всѣ тѣ условія, которыя были различны въ ихъ работѣ до смотра: составъ дивизій по губерніямъ, по срокамъ службы и по качеству укомплектованій, которыя къ нимъ влились изъ Россіи.

10-го іюля. Сегодняшнее число кажется можно считать за начало «періода дождей». То усиливаясь, то затихая, льетъ весь день, и въ тоже время безъ солнца парить; душно, сыро; вечеромъ ливень, гроза, долгіе раскаты грома и крушеніе всѣхъ шатровъ С. Д. Н. надъ верандами кумирень.

11-го іюля. Получены опять тревожныя извѣстія о болѣзни командира 10-го корпуса генерала Церпицкаго; не смотря на всѣ увѣщанія врачей, его не могутъ оторвать отъ войскъ и уговорить поѣхать лечиться. Сегодня командующій написалъ ему письмо, гдѣ говоритъ, что знаетъ по донесенію врачей, что онъ боленъ отъ полученной раны, потери крови и самоотверженной службы въ бояхъ, и проситъ его побережь себя для арміи и поѣхать отдохнуть въ одинъ изъ Сибирскихъ курортовъ, обѣщая вызвать его, едва лишь появятся первые намеки на бой. По телефону командующій просилъ Линевица послать Церпицкому телеграму и посовѣтовать уѣхать, и сказалъ при этомъ «Церпицкій драгоцѣненъ для арміи,—намъ надо его уберечь».

Въ Маньчжурскомъ Вѣстникѣ напечатана телеграма Великому Князю Михаилу Александровичу о пожертвованіи офицерами, солдатами и «частями» 6-го корпуса 61-й тысячи на возстановленіе флота. Я ожидаю, что рано или поздно еще разразится совершенно непредвидѣнный эффектъ съ этими пожертвованіями.—Эти суммы лишь въ самой ничтожной долѣ являются пожертвованіями, образуясь, главнымъ образомъ, отчисленіемъ изъ экономическихъ капиталовъ частей. Капиталы эти, являясь слѣдствіемъ неизбѣжныхъ (въ лучшемъ случаѣ) недодачъ, дѣйствительно громадны и доходятъ до 100 тысячъ на полкъ,—но это деньги отчетныя и драгоценныя для частей,—это единственный надежный ресурсъ для приведенія послѣ войны въ должный порядокъ всей ихъ сокрушенной на нѣтъ матеріальной части. Только такъ на нихъ можно смотрѣть, считая ничѣмъ инымъ, какъ спеціальнымъ фондомъ военнаго министерства, разсѣяннымъ по частямъ. Кто же кромѣ центральной кассы вправѣ перечислять ихъ въ строительный фондъ морского министерства, да еще подъ именемъ пожертвованій? Едва-ли войска и особенно казацки, живущія частью на свои капиталы, не сознаютъ, что теряютъ, и едва ли военное министерство будетъ довольно этой «жертвой», когда по окончаніи войны тѣ же части будутъ просить о пособіяхъ на обзаведеніе, ссылаясь безъ всякихъ стѣсненій, на принудительное отчисленіе.

Мнѣ кажется, этотъ эпизодъ надо отнести къ явленіямъ нашего полнаго безпорядка какъ въ отчетности, такъ и въ расхованіи казенныхъ суммъ, асигнуемыхъ въ то же время по комически точнымъ смѣтамъ.

Со стороны же начальниковъ это—дешевая драпировка въ богатыя мантіи патріотизма.

13-го іюля. Опять нездоровится. Виноваты мы сами—оставили на ночь открытымъ окно, а сырость такая, что бумага, бѣлье, платье—все влажное, все мякнетъ, все принимаетъ затхлый и плѣсневый характеръ «періода дождей». Что такое этотъ періодъ—для меня теперь стало совершенно понятнымъ. Это сильно дождливое время, насыщающее влагой и землю, и воздухъ настолько, что почва и дороги не успѣваютъ просохнуть даже въ перемежающіеся ясные дни. Сегодня весь день моросить, небо свинцовое, по горизонту ходятъ такія тяжелыя тучи, что дождь можетъ разразиться въ любую минуту.

О войнѣ ни звука; хоть Н. А. Б. и составляетъ по приказанію командующаго планъ полнаго перехода въ наступленіе на Тѣлинъ

2-й и 3-й армій, но въ серьезность этого плана что то плохо вѣрится. Шутя я сказалъ ему вечеромъ — вы похожи на оберъ-форшнейдера, который совершенно серьезно готовить больному королю новое платье, хотя доктора и сказали, что онъ не встанетъ съ постели.

Вечеромъ командующій круто говорилъ по телефону съ командиромъ N-го корпуса и разносилъ его за плохую пищу въ N-скомъ полку по докладу ѣздившаго пробовать генерала. Сколько знаю, стрѣлки едвали очень виноваты — скота недостатокъ страшный, а если солонина оказалась плоха — въ томъ виновато интендантство.

14-го июля. Кромѣ страшной скуки, затишья и скверной погоды нечего больше отмѣтить.

Сидимъ и томимся...

15-го июля. Хотя брось дневникъ — до того мнѣ не о чемъ писать! Не только нѣтъ «событій дня», но даже и жизни, дѣйствія. Все какъ-то стало, замерло, и всѣ мы тоскливые и мрачные.

Могъ бы, конечно, отвлечься мыслью отъ «дня» и помечтать, подумать въ дневникѣ на какую нибудь тему, какъ раньше случалось, — да нѣтъ настроенія...

Упрекаю себя, стыжусь и все-таки не могу... Таково «Маймакѣйское сидѣнье».

16-го июля. Еще не одинъ такой же день, — да ихъ, какъ видно, будетъ и много подрядъ, пока не разрешится вопросъ въ Вашингтонѣ.

На передовыхъ позиціяхъ не только затишье, но даже какое-то обоедное молчаливое согласіе не стрѣлять по разъѣздамъ. Доходятъ слухи о встрѣчахъ казаковъ съ японцами. Дежурный жандармъ мнѣ рассказывалъ, что пѣхотные солдаты убѣждены, что миръ заключенъ, и осталось только «приложить самую подпись», а господа офицеры *«каждый вечеръ кричатъ на бивакахъ «ура» и празднуютъ замиреніе»*.

Трудно будетъ все это поднять, если снова понадобится.

Вечеромъ ѣздивъ кататься и побывалъ на бивакѣ N-го полка. На бивакѣ ни одного офицера. Я хотѣлъ видѣть знакомаго и спросилъ у солдата — гдѣ офицерскій бивакъ? Онъ показалъ на деревушку и садикъ у городской стѣны почти въ верстѣ отъ бивака полка.

Что съ нами дѣлать? Чѣмъ насъ исправить? Какой вольности, какого безпорядка не позволять себѣ офицеры?

Командующій на смотру N-ской дивизіи очень деликатно и мягко сказалъ передъ строемъ всѣхъ начальниковъ, что онъ считаетъ необходимымъ, чтобъ офицеры жили ближе къ солдатамъ и просить тамъ, гдѣ этого нѣтъ,—или переселить офицеровъ, или подвести биваки къ ихъ фанзамъ. Съ тѣхъ поръ прошло довольно времени, но никто не шелохнулся. Можно-ли ждать, что тамъ, гдѣ офицеры живутъ въ верстѣ отъ солдатъ, мыслимо заботливое съ ихъ стороны отношеніе и быть убѣжденнымъ, что не найдется такой «прапорщикъ запаса», какъ на «Потемкинѣ», который сумѣетъ поднять бивакъ и повести за собой?

17-го іюля. Періодъ дождей въ полномъ разливѣ со всѣми его опредѣлившимися теперь для насъ совершенно ясно, характерными явленіями. Дождливое время; дождь идетъ почти каждый день и каждую ночь; небо, идетъ ли дождь или нѣтъ, какъ глаза у скорби, полно слезами и давить землю насыщенными, громадными, какъ чудовища, тучами; внезапно на короткое время какимъ то чудомъ разверзается голубая высь, смѣющаяся надъ нашимъ несчастіемъ, горячее іюльское солнце врывается жаркими лучами въ нашу сырѣ и гниль, начинаетъ парить, сушить и душить и скоро туманится новыми тучами и снова скрывается на долгое время. Ослизлая, глинистая, ненасытно жаждущая, размякшая до нѣдровъ, земля не успѣваетъ сохнуть, стоитъ болотомъ подъ хлѣбами, растущими въ это время какъ чудомъ на глазахъ; канавы, ямы, овраги наливаются до самыхъ краевъ, по готовымъ ломамъ протекаютъ новыя рѣки, а дороги, какъ польскія щуры, засасываютъ людей, лошадей и повозки... По всей странѣ—ни проходу ни проѣзду,—только несчастье, нужда, да неволя можетъ заставитьъ пойти за ворота. Это не сказки, а правда, что «періодъ дождей» можетъ объявить перемиріе противъ воли сторонъ. Какъ жаль, что этотъ періодъ не держится въ Маньчжуріи въ теченіе круглаго года!

По своимъ привычкамъ къ погодѣ, свойственной предѣламъ далекой отчины,—мы все еще не убѣждены въ коварствѣ неба надъ желтой страной, и стоитъ ему улыбнуться,—какъ мы уже вѣримъ...

Послѣ завтрака небо прояснилось, вспомнили, что сегодня воскресенье и рѣшили устроить приемъ. Къ обѣду были приглашены сестры 85-го и 3-го госпиталей, во главѣ съ М-ше С., и офицерскіе составы интендантства арміи и управленія военныхъ сообщеній.

И едва только вошли подъ шатеръ столовой, какъ начался ливень. Но дождь, пока мы сидѣли часа 2¹/₂ за столомъ, не только не помѣшалъ настроенію, но даже поднялъ духъ и оживилъ нашу скучную иногда асамблею. Зато послѣ обѣда съ гостями, или вѣрнѣе съ сестрами, положительно не знали, что дѣлать и куда дѣваться. Ночь, моросить, что дѣлается на улицахъ страшно подумать; возникъ даже проектъ устроить ихъ ночевать въ нашихъ фанзахъ, но въ концѣ концовъ, разсадили по двѣ въ нашихъ плащахъ на двуколки и подъ конвоемъ 15-ти ординарцевъ-солдатъ отпустили на волю судьбы.

Командующій оставался вѣренъ себѣ, распорядился и развлекалъ ихъ при фонаряхъ по двуколкамъ до отъѣзда послѣдней.

Воображаю, какъ бранились «официальные» гости, расходясь по дорогамъ и утопая въ Маймакайской грязи.

18-го іюля. Ливень подъ утро; солнце, дождь, голубое небо, мелкій дождичекъ, декоративный волшебный закатъ въ фіолетовыхъ, розовыхъ и малиновыхъ облакахъ, гроза, страшные удары грома и новый ливень.

Это фонъ смѣняющихся одинъ другого скучныхъ дней, не оставляющихъ больше въ памяти ни одной замѣтной черты. Періодъ дождей, періодъ замиренія, періодъ выжиданія, періодъ тоски и отупѣнія...

Хоть-бы что пибудь, хоть-бы кто нибудь новый!

Все тѣ-же, все съ тѣмъ-же, съ одной думой: скоро-ли то или другое?..

19-го іюля. О погодѣ приходится писать каждый день, да и не только отъ недостатка болѣе интересныхъ темъ: въ этомъ періодѣ такъ много своеобразнаго и еще не изученнаго, что каждое наблюдение можетъ пойти на общую пользу. Съ утра разгорался такой великолѣпный, жаркій іюльскій день «весь отдѣланный въ голубое съ золотомъ» какъ сказалъ-бы мой старый пріятель А. В. Р., что многіе соблазнились даже надеждой на окончаніе «періода дождей» и строили радужные планы побѣговъ изъ нашей темницы—кумирни. И вдругъ передъ обѣдомъ съ сѣвернаго небосклона потянули черныя тучи; какъ далекій бой, точно изъ подъ земли зарокотали удары грома; передовыя, рваныя, трепаныя, дикія, волнующіяся и кипящія, какъ морскія волны въ бурю, сѣрыя облака затянули небо надъ головами; и въ самый обѣдъ, когда мы собрались подъ шатромъ, хлынулъ настоящій ливень и разразилась близкая, слѣпящая гроза съ безпрестанными вспышками молніи и глушащимъ трескомъ громовыхъ ударовъ.

Къ концу обѣда гроза пронеслась, но, уходя, еще долго гремѣла непрерывнымъ долгимъ громомъ и, какъ вспышками магніа, до поздней ночи иллюминировала все южное небо зарницаей. Мы долго еще любовались необыкновенной и многими еще невиданной картиной Маньчжурской грозы, сходясь на горбатоиъ мостикѣ въ нашемъ саду; въ немъ всѣ газоны залиты, глубокий бассейнъ подѣ мостикомъ полонъ доверху, изъ подѣ стѣнъ несутся ручьи, а за стѣнами слышны вопли погибающихъ на улицѣ транспортвъ... Изъ за южныхъ воротъ доносится ревъ потока—рѣки, вздувшейся изъ ничтожнаго ручейка!

Официальные итоги «періода дождей» занесены сегодня въ мой служебный дневникъ: «Дорога на 84-мъ развѣздѣ почти сплошь устѣяна завязшими арбами; Маймакай не проѣзжаемъ, у его воротъ вязнуть арбы и гурты скота; большая часть мостовъ, даже свайныхъ, снесены. Можно считать, что подвозъ прекратился... Между прочимъ, NN совершенно не признаетъ переносныхъ желѣзныхъ дорогъ. По общему же мнѣнію, въ дождливый періодъ въ нихъ единственное спасеніе, а безъ нихъ арміи будутъ обречены на голоданіе; что и докажетъ, вѣроятно, ближайшее будущее... Черезъ два дня запасы мяса въ войскахъ изсякнутъ».

До чего все это характерно и до чего отвратительно! Эти вѣчныя во всемъ опаздыванія: разговоры о переносной спасительной желѣзной дорогѣ въ разгарѣ періода дождей, о заготовкѣ мяса за два дня до истощенія запасовъ, о снятіи гаоляна, когда онъ выросъ по плечо, о лѣтней одеждѣ въ жару, о зимней—въ морозы, это полное неумѣніе думать впередъ, ясно представлять себѣ будущее, полное отсутствіе широкихъ во времени взглядовъ и основныхъ началъ системы...

Командующему сегодня доставлено письмо изъ Японіи плѣннаго офицера подпоручика Кононова—командиру 4-го стрѣлковаго полка; въ письмѣ драгоцѣнный намекъ:

«Въ общемъ могу сказать, что славное имя 4-го стрѣлковаго полка вполнѣ нами поддержано, и честь полка спасена. 4-й стрѣлковый полкъ какъ и раньше носилъ свое славное имя, такъ и впредь будетъ носить его съ гордостью». Еще раньше другой офицеръ поручикъ Харламповичъ телеграфировалъ тоже изъ плѣна: «Я и Хорошкевичъ въ плѣну. Относительно чести полка не безпокойтесь».

Всѣ убѣждены, что эти намеки говорятъ о спасеніи знамени.

Дай Богъ! Такъ жалко было видѣть, какъ стоялъ этотъ лихой и бодрый полкъ на смотру, точно... церковь безъ креста.

20-го июля. День передышки: съ утра до вечера великолѣпная погода. Генераль Д—ць, со словъ какого-то китайца, говорилъ, что если не будетъ дожда до полуночи, то «періодъ» законченъ. Теперь уже полночь, тихо, тепло и звѣздно,—посмотримъ!

21-го июля. До Маймакая черезъ всѣ ужасы пути съ 84 разѣзда добрались двѣ новыя пулеметныя роты N-скою и NN-скою дивизій. Сегодня утромъ командующій смотрѣлъ за южными воротами N-скую роту. Меня этотъ смотръ интересовалъ чрезвычайно, но теперь уже не пулеметами и ихъ организаціей, а сравненіемъ работы по формированію пулеметныхъ ротъ въ разныхъ округахъ. 1-я и 2-я Стрѣлковыя пулеметныя роты представились здѣсь въ такомъ блестящемъ видѣ именно съ точки зрѣнія оцѣнки формирования, что лучшаго образца своей работы формировавшей ихъ округъ не могъ бы и выслать.

Меня интересуетъ вопросъ: насколько же именно округъ могъ сказаться въ видѣ отдѣльной части? Будутъ ли всѣ пулеметныя роты одинаковы, или будетъ рѣзкая разница по округамъ? А дальше: все ли равно изъ какого округа получать укомплектованія? Равны ли качествомъ корпуса изъ разныхъ округовъ? Велико ли значеніе окружной постановки войскового учебнаго дѣла и окружныхъ традицій?

Отчасти это тѣ же вопросы, на которые меня навело сопоставленіе результатовъ смотровъ 1-й и 2-й Стрѣлковыхъ дивизій, такъ и оставшихся загадочными.

Впрочемъ, такъ какъ завтра состоится смотръ п NN-ой роты, то до завтра же лучше будетъ отложить отвѣты на эти вопросы.

Утромъ, вернувшись со смотра, мы пошли съ командующимъ проводить больного генерала Сулима-Самуило, уѣзжающаго сегодня въ Гунжулинскій госпиталь. На дворѣ дежурства собрались почти всѣ офицеры штаба; подвели, какъ для Маркозова «паланкинъ на мулахъ» и выстроили эвакуаціонную процессію «по 1-му разряду» съ начальникомъ санитарной части, съ инспекторомъ госпиталей, съ комендантомъ главной квартиры, съ тремя докторами, запаснымъ паланкиномъ и конвоемъ казаковъ. Бѣднаго Сулиму вывелъ подъ руки нашъ главный врачъ Соколовъ и уложилъ на носилки. Пока говорятъ, что у него инфлюэнца на нервной подкладкѣ. Но чтобы у него ни было, можно сказать съ увѣренностью, что подготовила его организмъ къ болѣзни на рѣдкость честная и

самоотверженная работа, — полтора мѣсяца онъ исполнялъ обязанности и дежурнаго генерала, и начальника штаба; можетъ его доклады командующему были излишне мелочны и продолжительны, въ чемъ его упрекаютъ, но, такъ или иначе, онъ цѣлые дни или принималъ доклады, или самъ докладывалъ и едва ли имѣлъ хоть минуту отдыха кромѣ короткаго сна.

Вечеромъ подполковникъ баронъ де II сообщилъ по телефону тревожныя вѣсти и о другомъ больномъ, — генералѣ Церпицкомъ. У него былъ сердечный припадокъ. И всетаки стоитъ на своемъ и не хочетъ уѣхать. Командующій опять горячо отозвался и просилъ по телефону начальника штаба корпуса передать генералу Церпицкому его соболѣзнованіе и просьбу уѣхать.

День великолѣпный, голубое безоблачное небо, солнце, тишина и жара, и только невообразимо грузкія, вывороченныя наружу глиной и грязью, дороги напоминаютъ о первомъ актѣ періода дождей.

22-го іюля. Утромъ за Южными воротами на дорогѣ вдоль городской стѣны былъ смотръ на походѣ NN-ской пулеметной роты. Съ командующимъ выѣзжали только три офицера — я и два ординарца. Теперь мы видѣли обѣ роты, и если сравнивать съ ними двѣ первыя роты — Стрѣлковыхъ дивизій — то надо сказать, что разница была... Повторяю, что сравниваю лишь только то, въ чемъ могла отразиться работа формированія, причемъ мое вниманіе остановилось на четырехъ слагаемыхъ и ихъ суммѣ: 1) офицеры, 2) люди, 3) обмундированіе и снаряженіе и 4) лошади. Не буду повторять, какъ выглядѣли эти четыре части и сумма ихъ въ 1-й и 2-й Стрѣлковыхъ ротахъ, — объ этомъ я писалъ подробно.

Вотъ что оказалось здѣсь.

Офицеры одѣты мѣшковато, всѣ въ рубашкахъ разныхъ цвѣтовъ, каждый по своему. На вопросы отвѣчаютъ вяло и держатся робко. Люди не подобраны совершенно; огня въ глазахъ, лихости и шустрости въ строю незамѣтно; много понурыхъ, неопратно одѣтыхъ, бородатыхъ — не молодежавыхъ, дурно выправлены, отвѣчаютъ вяло, встрѣчаютъ равнодушно.

Обмундированіе и снаряженіе: рубашки *бѣлыя* (даже объ этомъ не позаботились!), фуражки въ бѣлыхъ чохлахъ и *безъ чохловъ*, амуниція и патронное снаряженіе черное — видимо поношенное, не изъ запаса; въ N-ской ротѣ на смотру были обозныя въ поршняхъ.

Лошади хуже, чѣмъ у стрѣлковыхъ ротъ, офицерскихъ же нельзя и сравнивать — тамъ были щегольскіе кони.

Объ остальномъ когданибудь тоже, на досугъ...

Въ общемъ объ роты произвели такое впечатлѣніе—точно формировали ихъ и обшивали приданымъ не какъ родныхъ дѣтей, а падчерицъ, которыхъ хотѣлось только скорѣе сбыть съ рукъ.

Это подтвердилось и словами въ разговорѣ со мной командира N-ской роты.

— Такъ и норовили спустить намъ чтонибудь похуже... Едва отбилса отъ старыхъ сѣделъ, а то завѣдующій хозяйствомъ въ N-скомъ полку хотѣлъ спустить такіа изъ неприкосновеннаго запаса, что чортъ его знаетъ откуда онъ выкопалъ.

Итакъ, значитъ совершенно ясно, что, имѣя въ своемъ распоряженіи конечно совершенно равныя и громадныя средства, въ одномъ округѣ сдѣлали все, что могли, чтобы выдѣлить на войну новыя части въ блестящемъ состояніи, чтобы дать имъ все, что было въ ихъ власти для успѣховъ и удобства, въ другомъ же, сочли эти уходящія роты чужими.

Это сравненіе меня сильно убѣдило, что округа не равны, что отъ постановки въ нихъ воспитанія войскъ командующими войсками зависитъ больше, чѣмъ это мнѣ казалось раньше, и многимъ кажется теперь. Округа имѣютъ свою закваску, и она сказывается въ корпусахъ и дивизіяхъ сильнѣе, чѣмъ та, которую могутъ дать ей вопреки, командиры корпусовъ и начальники дивизій.

Послѣ смотра, въ 11 часовъ, по случаю Тезоименитства Императрицы-Матери, на площадкѣ передъ воротами штаба былъ молебень и церковный парадъ взводу жандармовъ и охранной ротѣ 285-го Мценскаго полка. На парадѣ былъ командующій со всею свитой и офицеры штаба.

Передъ обѣдомъ, когда собрались сестры, приглашенныя по случаю Тезоименитства Государыни Императрицы Маріи, командующій вручилъ медали, давно уже объявленныя въ приказахъ, сестрамъ Е. Афанасьевой (золотая Георгіевская), М. А. Брешчинской, Е. Колоколовой (серебряныя Георгіевскія) и С. Михалевской (серебряная Анненская).

Командующій говорилъ здравицу по случаю Царскаго дня.

— На далекой окраинѣ, Богъ дастъ, быть можетъ, наканунѣ самаго ужаснаго кроваваго боя, Русскія сердца соединяются и Русскіе люди сливаются въ единой молитвѣ: «Боже, Царя храни», Боже, храни Царицу, Боже, храни Царицу Мать.

Гимнъ пропѣли хоромъ вмѣстѣ съ оркестромъ.

Послѣ обѣда до 10 час. вечера сидѣли въ саду и на дворикѣ и отдыхали подъ чуднымъ вечеромъ отъ недавнихъ дождей.

23-го *юля*. Свое письмо Д. А. Х — му «О новомъ въ ротной тактикѣ» я рѣшилъ цѣликомъ напечатать въ «Русскомъ Инвалидѣ», но, такъ какъ въ немъ упоминаются показныя ученья командующаго, представилъ его барону черезъ Н. А. Б.

Сегодня командующій меня потребовалъ къ себѣ и говорилъ съ полчаса. Въ общемъ онъ очень одобрилъ и взгляды, и характеръ письма, какъ статьи, и разрѣшилъ напечатать, но разошелся со мной въ употребленіи на маневрахъ шпионовъ и лазутчиковъ, — онъ считаетъ, что нормальная и соразмѣрная условіямъ войны постановка этого приѣма недостижима, иначе сказать онъ боится, что это будетъ игра; онъ такъ же несогласенъ съ моимъ предложеніемъ дѣлать на маневрахъ «приговоръ»: кто побѣдилъ и кто «пораженъ», и поставилъ вопросъ на поляхъ. Разговоръ нашъ, или, вѣрнѣе, его взгляды, высказанные по поводу темы моей статьи, — мнѣ не приходится записывать — это было бы повтореніемъ того, что говорилось на ученьяхъ и давно уже занесено въ мои дневники.

Вернувшись, засталъ на дворикѣ за чаемъ въ обществѣ ординарцевъ, уже знакомаго намъ Хана Нахичеванскаго и заѣзжаго француза г. Б. М-г Б. загадочная личность; на видъ плотный мужчина бурскаго типа, въ желтой шведской курткѣ, съ ногами въ чемъ-то плотно охватывающемъ икры, въ штурманскомъ картузѣ и съ вонючей трубкой въ зубахъ; глаза проницательные, черная борода точно приклеенная. Одиссея М-г Б. довольно странная: до марта былъ въ Японіи и «кореспондировалъ» въ Россію, затѣмъ былъ въ Европѣ, въ Петербургѣ, теперь пріѣхалъ сюда, «прочитать 12 лекцій о японцахъ» и немедленно возвращается въ Парижъ...

До тѣхъ поръ покуда онъ намъ «кореспондируетъ» изъ Японіи и затѣмъ путешествуетъ по Европѣ — я еще все понимаю, но затѣмъ онъ пріѣзжаетъ въ нашу же армію и ѣдетъ изъ арміи въ Парижъ — это ужъ тайна, которой я не могу постичь, но связываю съ нашей безконечной наивностью.

Господинъ Б. рассказывалъ намъ цѣлый часъ планы японцевъ; увѣрялъ, что теперь они все оттянули назадъ, и наступилъ самый

лучшій моментъ для удара, и намекаль, что ген. О. его выслушивалъ «съ особымъ вниманіемъ».

Я убѣжденъ, что къ намъ можно подослать шпіона и не только развѣдывать при его помощи, но еще и вліять на наши операціи.

М-г Б. помѣщенъ въ опустѣвшей комнатѣ Сулимы-Самуйло и завтра читаетъ у насъ свою первую, пробную лекцію.

Б. Адамовичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

